

Экзамен по человечности



Закариус Лютый

Закариус Лютый

Экзамен по человечности

<https://litres.ru/74440692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Городской подросток Артём отправляется на лето в глухую горную деревню без связи и интернета. Ночью в бабушкином саду он встречает Иру — странную девочку из созвездия Ориона, прилетевшую изучать людей. Заполняя отчеты о человеческом поведении, инопланетная гостья сталкивается с тем, чего нет в ее справочниках: искренней дружбой, состраданием и готовностью пожертвовать собой ради другого. Сможет ли она сдать главный экзамен, когда между инструкцией и спасением человека встанет выбор?

Содержание

Глава 1. Дорога в туман	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Закариус Лютый

Экзамен по человечности

Глава 1. Дорога в туман

«Пазик» был на серпантине, как раненый зверь. Каждая выбоина отдавалась в позвоночнике Тёмы глухим ударом. В салоне пахло соляжкой, разогретым дерматином и сушеным чабрецом — бабка с переднего сиденья везла мешок, перевязанный бечевкой. Тёма в сотый раз ткнул в экран телефона. Сеть безнадежно отсутствовала, четыре полосы LTE, еще час назад горевшие веселым зеленым, сдохли за поворотом с указателем «Верхние Ключи». Цифровой мир, в котором он жил, схлопнулся и это навязывало чувство пустоты и неопределенности. Автобус чихнул дымом и замер у покосившегося навеса.

— Конечная, — прокричал водитель, выдергивая ключ зажигания и сплюнул. — Дальше пешком или на четырехном транспорте.

Тёма вывалился наружу с рюкзаком и тут его накрыло. Это была тишина, совсем не такая, что бывает дома, когда выключают телевизор, а плотная, настоящая. Она давила на уши и сквозь нее пробивались звуки: гул реки внизу, треск кузнечиков, глухой стук косы за огородами. Воздух был тон-

ким и холодным, он обжигал горло хвоей и влажным камнем.

Он побрел по улочке, выложенной речным булыжником. Село будто спало. Дома из бруса и дикого камня, за низкими плетнями сушилось белье, подсолнухи тянули мохнатые головы к солнцу. Никаких тебе «ВКонтакте», никаких уведомлений. Пальцы в кармане сами сжимались в кулак и искали гладкий корпус телефона. Мозг, привыкший переваривать сотни картинок в минуту, задыхался от медлительности этого мира.

Улочка уперлась в обрыв. За последним двором зиял овраг, а за ним, будто зубы исполина, уходили в небо серо-зеленые хребты. Здесь стоял дом бабушки Анны — старый, осевший на левый бок, с резными наличниками. Бабушка уже стояла на крыльце, сухая и прямая в ситцевом фартуке. Артем, увидев её, бросился к ней в объятия, они не виделись целый год.

— Доехал, — сказала она, обнимая внука. — Взмок весь, запыхался. Ну заходи, заходи. Я уж заждалась.

В избе пахло печным чадом, топленным молоком и старой сосной. В углу мерно стучали ходики: так-тик, так-тик. Этот звук не торопил, а наоборот, удерживал время в стенах. Артём бросил лимонно-желтый рюкзак у порога и пошел к знакомому ему рукомоюнику. Вода была обжигающе холодной и в то же время приятной, освежающей. Бабушка усадила его за стол, молча накормила его гуляшом. Он ел, а рука по инерции тянулась к карману, в котором лежал телефон. Она

усмехалась в усы, но промолчала.

Сумерки в горах не наступают, они падают. Солнце прова-
лилось за гребень и через каких-то десять минут ущелье на-
полнилось густой синевой. Анна Степановна зажгла кероси-
новую лампу вместо электрической, в селе уже третий день
не было света. Стекло звякнуло, пламя разожглось и по бре-
венчатым стенам заиграли тени. Она налила Артему и себе
крепкого чаю с чабрецом и села за стол, напротив него.

— Ну, каково тебе без аппарата? — спросила она с улыб-
кой. — Не чешутся руки?

— Странно, — буркнул Тёма. — Будто я кому-то мешаю
своим телефоном.

— Никому ты не мешаешь, — отрезала бабушка. — Но
здесь иногда кое-что поинтереснее кино из твоего телефона
случается.

— Ба, ну что тут может интересного быть, в глуши? —
почти со смехом сказал Тёма.

— Дед твой, в семьдесят втором, вернулся с покоса, сам
не свой. Ружье бросил, долго молчал. Потом говорит: «Звез-
ды падали, Аня. Да не вниз, а вдоль хребта. И не горели, а
светили каким-то холодным светом».

— Ну так это метеориты, — снова усмехнулся Артём.

— Метеориты падают и гаснут. А про эти дед говорил, что
зависали над хребтом и обратно в туман уходили, причем
тихо, без звука. Собака наша в ту ночь забила под крыльцо
и до утра не вылазила.

Она помолчала, глядя в темное окно.

— За яблоневым садом, у оврага, ночью иногда что-то гудит, будто шмель в кувшине. Ты туда ночью не ходи, а то мало ли.

— А что там? — спросил Тёма.

— Ночь там. Давай спать.

Она ушла, Тёма остался один. Лампа потрескивала, а за окнами начиналась горная ночь — черная и плотная.

Он лежал на скрипучей койке, глядя в потолок. Собственный пульс казался чужим звуком. Он достал телефон — 00:42, никаких уведомлений, заряд 27%. Что делать, сунул обратно. Сон не шел совсем. Он встал, натянул ветровку и вышел в сени. Дверь вздохнула, впуская прохладный ветерок. Артем стоял на крыльце. Небо над селом было жутковатым: звезды кишели, прессовались в белые туманные скопления, нависали над зубцами гор так низко, что казалось их можно было задеть палкой. Млечный Путь прорезал зенит фосфорической трещиной.

Ступив с настила, он промочил кеды — роса уже лежала густая и холодная. Он пошел в сад, туда, где старые яблони сплетались корявыми лапами. Пахло прелой листвой и сырой землей. За садом начинался овраг — черная пасть, уходящая к Синему Утесу. Тёма остановился у развесистой антоновки, чтобы завязать шнурок и в этот миг мир дернулся, сверчки умолкли разом, будто кто-то щелкнул тумблером. А потом Тёма ощутил гул, похожий даже не на звук, а ско-

рее на вибрацию. Она отдавалась в зубах, в затылке, в кончиках пальцев. Воздух стал плотным, как перед грозой, когда молния вот-вот расколется небо. Он выпрямился, волосы на затылке встали дыбом, по коже прошел холодок и легкая дрожь. За кустами крыжовника, у старой поленницы, разгорался свет. Это был не свет огня, а ровный, геометрически идеальный купол небесно-голубого свечения. Он висел над травой и внутри него воздух казался застывшим, как в банке с формалином. Тёма шагнул вперед, под ногой хрустнула ветка и Артем вздрогнул. Свет внутри сгустился, пошел молочно-синими волнами, и Тёма разглядел в центре темный силуэт. Свечение втянулось в себя, осело на росу искрящейся пылью и растаяло. Запахло озоном и горелой травой.

На поленнице сидела девочка. Артёму стало не по себе, у него были сомнения в том, что она человек. Слишком прямая спина, слишком неподвижные руки. На ней был комбинезон из матового графитового материала без швов, без карманов, цельный кусок пластика, поглощавшего свет. На ногах ботинки без подошв, словно приклеенные к голениям. Она смотрела на него, не моргая секунд сорок, просто смотрела, и Тёма чувствовал, как его лоб покрывается холодным потом.

— Эй, — наконец выдавил он. — Ты кто? Ты была в походе? От группы отстала?

Девочка наклонила голову — слишком плавно, как сервомотор.

— Аудиосигнал распознан, — произнесла она. Голос монотонный, без тембра, словно синтезатор читал текст. — Фонетика соответствует локальному диалекту. Запрос идентифицирован. Формальное обозначение — Ира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.